

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ И БИЛИНГВИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАЗАХСТАНА)

Г.М.Бадагулова

Алматы, Казахстан

Summary: The article is devoted to the Russian language in Kazakhstan. It is an attempt to build communication models in contact cultures and bilingualism.

Идея исследования языка в условиях контакта культур связана с трудами представителей американской антропологической лингвистики Ф.Боаса, Э.Сепира, Б.Уорфа. Опираясь на идеи В. фон Гумбольдта, они рассматривали каждый язык как особую призму, через которую носитель языка видит и осмысливает окружающий мир. Э.Сепир, отдавая языку роль путевода в «социальной действительности», писал, что для социолога важным является «вопрос о том, как язык во взаимодействии с другими факторами облегчает или затрудняет процесс передачи мыслей и моделей поведения от человека к человеку», социолог не может также «оставить без внимания вопрос о символической значимости, в социальном смысле, языковых расхождений, возникающих во всяком достаточно большом обществе» [Сепир 1993: 261].

Изучение языка в связи с культурой народа было подготовлено и работами американцев Г.Хойера, Дж.Трэгера, Д.Хаймса, С.Ньюмана, Ф.Клукхона. Исследования Г.Хойера о системах счета у атапаксов, о реакции аборигенов на языковые высказывания, наблюдения Дж.Трэгера над паралингвистическими явлениями в языке таос, С.Ньюмана над сакральным и сленговым употреблением языка зуни, исследования Ф.Клукхона о поведенческой значимости ценностных понятий и культурных различиях в системах ценностей у навахо – стали первыми работами, в которых, кроме языковых различий, были изучены и культурные, поведенческие [Hoijer 1953: 554-573; Хойер 1999; Хаймс Делл 1975: 42-95; Traeger 1958: 1-12; Newman 1954: 626-634; Kluckhohn 1956: 140-145]. В начале 60-х годов в США возникла новая дисциплина – этнография речи. В работах Д.Хаймса, Дж.Дж.Гамперца этнография речи определяется как теория и метод анализа языкового употребления в социокультурном контексте. Подчеркивается культурная обусловленность любых речевых событий (проповедь, судебное заседание, телефонный разговор и т.д.) [Хаймс Делл 1975: 42-95; Гамперц 1975: 182-198].

Содержание и результаты многообразных межкультурных контактов во многом зависят от способности их участников понимать друг друга и достигать согласия, что, главным образом, определяется этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон, психологией народов, господствующими в той или иной культуре ценностями. В антропологии эти взаимоотношения разных культур получили название «межкультурная

коммуникация», которая означает обмен между двумя и более культурами и продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах. Этот обмен может происходить как в политике, так и в межличностном общении людей в быту, семье, неформальных контактах.

Термин «межкультурная коммуникация» был предложен американскими учеными Э.Холлом и Д.Трагером в книге «*Culture as Communication*», изданной в 1954 году. Основные положения и идеи межкультурной коммуникации были развиты Э.Холлом в книге «*The Silent Language*», где он, отмечая взаимосвязь, существующую между культурой и коммуникацией, пишет о необходимости обучения культуре [Hall 1973: 94].

Понятие «межкультурная коммуникация» (МКК) основано на взаимодействии культур, их носителей и на результате данного взаимодействия. В современных исследованиях термин МКК трактуется неоднозначно. Первая точка зрения на природу МКК декларируется в тех работах, в которых межкультурная коммуникация характеризуется, прежде всего, как взаимодействие культур. Так, И.А.Стернин определяет МКК как процесс, при котором происходит непосредственное взаимодействие культур, и данный процесс осуществляется в рамках несовпадающих (частично, в существенной степени, а иногда и полностью) национальных стереотипов мышления и поведения, что существенно влияет на взаимоотношение сторон в коммуникации [Стернин 1996: 97-112].

Исследователи Д.Б.Гудков и Н.Н.Трошина рассматривают МКК как общение людей, представляющих разные культуры, т.е. базовым для этой точки зрения является взаимодействие носителей разных культур. Если Н.Н.Трошина понимает под межкультурной коммуникацией «общение носителей разных культур (и обычно разных языков)», то Д.Б.Гудков определяет МКК как «общение языковых личностей, принадлежащих к различным лингвокультурным сообществам» [Гудков 2003: 51; Трошина 1998: 66]. Приведенные характеристики МКК различаются тем, что первая из них ориентирована на культуру, а вторая – на язык.

Основополагающей в определении МКК является ориентация на результат, т.е. ориентация на успешность/ неуспешность общения. Немаловажную роль в достижении успеха в межкультурном общении играет знание коммуникантами национальной культуры партнера, т.е. успех в МКК предполагает коммуникативную компетентность партнеров. О коммуникативной компетентности при межкультурном общении пишут, в частности, российские лингвисты. М.Б.Бергельсон характеризует МКК следующим образом: «Культурно обусловленные различия приводят к особой разновидности коммуникации, называемой межкультурной, при которой коммуниканты из разных культур используют при прямом контакте специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии. Термин “межкультурная коммуникация” относится к случаям, когда коммуникативная компетентность столь различна, что это отражается на исходе коммуникативного события» [Бергельсон 2004: 45-47]. В определении межкультурной коммуникации М.Б.Бергельсон важным признаком МКК является не взаимодействие культур, а результат данного взаимодействия.

Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, указывая на то, что «определение межкультурной коммуникации очевидно из самого термина», трактуют МКК как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26]. Имеется в виду не только просто общение носителей разных культур и языков, не только взаимодействие культур, а успешное общение, взаимопонимание при общении. Успешность коммуникативного взаимодействия или коммуникативный провал зависят от коммуникативной компетентности участников коммуникативного события, т.е. от того, «насколько сбалансированы общее и различное в процессах восприятия и символических системах коммуникантов», – пишут Л.Самовар и Р.Портер [Samovar, Porter 1995: 9].

Рассматривая МКК как фактор, оказывающий влияние на функционирование русского языка Казахстана, в определении МКК мы опираемся на известный постулат о существовании языка в триединстве мышление – язык – общение и взаимодействие мышления с объективной действительностью. Этот постулат восходит к идеям В. фон Гумбольдта о *внутренней форме языка*, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой *гипотезе лингвистической относительности* Сепира-Уорфа, – с другой.

По В. фон Гумбольдту, на формирование системы понятий и системы ценностей оказывает влияние язык. В основе различий лежит своеобразие духовного облика народов – носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, «в способах выражения мыслей и чувств» [Гумбольдт 1985: 174].

В соответствии с теорией Э.Сепира и Б.Уорфа сходные картины мира (при совпадении физических явлений) могут быть созданы только при определённом сходстве языковых систем [Уорф 1960: 135-169].

Актуальность проблемы взаимоотношения объективной действительности, языка и мышления акцентировала «человеческий фактор», который предполагает исследование языка в тесной связи с человеком, его мышлением и различными видами его духовно-практической деятельности. В современной лингвистике указанный постулат развивается через такие понятия, как «картина мира» и «языковая картина мира».

В условиях межкультурного общения взаимодействуют языковые картины мира (ЯКМ), та их часть, которая является национально специфичной. Именно она реагирует при межкультурных взаимодействиях. МКК рассматривается нами как взаимодействие разных культур, которые концептуализируются разными языковыми системами. МКК – это взаимодействие национально специфичной части языковых картин мира, носители которых живут в едином социокультурном пространстве.

Становление нового государства было связано с утверждением новых законов, новых символов, новой денежной системы, с изменением структуры государственной власти, с провозглашением казахского языка в качестве государственного. Эти процессы способствовали:

- широкому привлечению исторического, культурологического, этнографического материала, изучению и глубокому исследованию мировидения и миропонимания казахов;
- утверждению нового, положительного взгляда на роль и место казахов и их культуры в мировой цивилизации и в становлении нового суверенного государства;
- востребованности информации о культуре, искусстве казахского народа, о тюркской культуре, истории;
- насущной необходимости данной информации для человека, живущего в казахстанском культурном и информационном пространстве;
- укреплению коммуникативных позиций казахского языка, совместному функционированию казахского и русского языков как основных коммуникативных партнеров в едином социо- и лингвокультурном пространстве.

В силу этого в мировидении коммуникантов (русских и казахов) произошли и происходят перемены, которые влияют на роль участников коммуникации. В нынешней модели коммуникации, прежде всего, изменились роли монолингва и билингва. Приоритетность положения билингва в его знаниях двух культур: русской и казахской, а также в том, что он владеет государственным и официальным языком.

В двуязычной ситуации в коммуникации участвуют говорящий и адресат, оба являются билингвами или один из них – монолингв. Характерной особенностью Казахстана является коллективный билингвизм коренного населения, т.е. владение казахским и русским языками.

По степени владения языком дифференцируется активное и пассивное двуязычие. Различаются эти типы двуязычия по следующим признакам: 1) хорошее/ плохое знание обоих языков; 2) что позволяет/ не позволяет переключаться с одного кода на другой и свободно вступать/ не вступать во все сферы коммуникации на любом из языков [Хауген 1972: 344-383].

По распределению за языками сфер употребления двуязычие рассматривается как конкурентное и исключительное. Дифференцированное употребление языков зависит от адресата и целей использования. При учете данных факторов участниками коммуникации являются: 1) монолингв и билингв; 2) билингвы.

Известно, что по типу психологической модели хранения языковых навыков различаются координированное и сложное двуязычие. В первом случае говорящий располагает двумя отдельными языковыми системами, поэтому происходит полное переключение кодов; во втором, т.е. при сложном двуязычии, речь говорящего сопровождается интерференцией, смешением норм разных языков [Хауген 1972: 344-383].

Факт существования в Казахстане двуязычия, характеризующегося названными выше признаками, свидетельствует о том, что участниками коммуникативного процесса могут выступать:

- 1) монолингв – билингв с доминирующим русским языком;
- 2) монолингв – билингв с доминирующим казахским языком;

3) билингвы (у обоих доминирует русский язык);

4) билингв с доминирующим казахским языком – билингв с доминирующим русским языком.

При первых вариантах (1, 2) взаимодействия коммуникантов для монолингва родной является соответственно русская языковая картина мира (РЯКМ), а картина мира (КМ) билингва содержит как русскую языковую картину мира, так и казахскую языковую картину мира (КЯКМ). В последующих вариантах коммуникации (3, 4) картина мира у обоих коммуникантов представлена как концептуальная картина мира (ККМ) и языковая картина мира, которая состоит из русской и казахской языковых картин мира. Общим для всех вариантов коммуникативной модели является то, что 1) языком кодирования служит русский язык; 2) в состав вариантов модели входит билингв.

Рассмотрим вариант модели, где в роли коммуникантов – монолингв и билингв. Монолингв владеет русским языком. Двуязычный носитель языка владеет русским и казахским языком. Картина мира у коммуникантов не одинакова. У монолингва, владеющего русским языком, она представлена как концептуальная картина мира и как русская языковая картина мира. Картина мира у билингва сложная, в нее входят представления о казахской культуре, ментальности и о русской культуре и ментальности. Картина мира коммуниканта-билингва разнообразней, шире, богаче и может быть, гибче, чем у одноязычного коммуниканта, так как в ней отражаются две национальные картины мира – русская и казахская. Общение на русском языке не вытесняет из сознания вторую картину мира, она как бы находится на втором плане, но она всегда готова к действию, отсюда при общении обязательно «извлекается» какая-то ассоциация, понятие, реалья, которые на языке общения находят материальное выражение. Например, в следующем дискурсе билингв из своей, родной картины мира вспоминает такие понятие, как «узун кулак», «суюнши», обращение «балапан», дает описание этнокультурного поведения, этнокультурной реакции, а также рисует портреты юнца, стариков, которые характерны для данной этнокультурной общности: *У нас, у казахов, есть такое понятие «узун-кулак» (быстрое ухо). Мы его употребляем, когда хотим упомянуть о том, как необыкновенно быстро разносятся самые разные новости по бескрайней степи. Порой обгоняя даже гонцов, спешащих как можно быстрее передать эту новость другим. Прискакивает такой юнец в аул на взмыленном коне в надежде первым сообщить очередную степную сенсацию и, может быть, получить «суюнши». А в ответ белобородые старики, хитро прищунив глаза, усмеваются: «Эй, балапан, ты загнал коня, чтобы удивить нас новостью, которую только еще не рожденный не знает?»* (Н.Назарбаев. Эпицентр мира).

Билингвальная личность в процессе общения включает концепты из родной картины мира в русскоязычный дискурс. «Включение» из родной картины мира в русскоязычный дискурс казахских концептов наблюдается почти во всех стилях речи. Характерными они стали для разговорного дискурса, языка СМИ, поэтической речи. Фактический материал свидетельствует о том, что в русской речи билингва родные концепты проявля-

ются по-разному. В приведенном ниже дискурсе (1) билингв сравнивает две национальные картины мира (казахского акына с исполнителем рэпа), в его дискурс включены казахские реалии, название известной казахской мелодии. Поэт Б.Канәпьянов также вводит в свой стих (2) казахский концепт, который является одним из ведущих в национальной картине мира казахов. Слово сочетание «семь колен» не поймет человек, который не знаком с казахской картиной мира, с историей этнического обустройства казахов. В дискурсе (3) поэт ввел знаковую личность для казахов – Коркыта. Обращение к святому Коркыту с просьбой о помощи (в данном случае в поэтическом творчестве) – это давняя традиция казахов. Перевод казахских идиом (*қолдай көр* или *жебеп жібер*) на русский язык также свидетельствует о передаче родного концепта средствами русского языка:

1. – *Я вам больше скажу, – подхватывает Нурик. – Поющий рэп – тот же акын. Вот он идет в магазин и говорит речитативом <...> В таком же ключе, только другими словами, работают и наши акыны. Что вижу – о том пою. Тогда давайте переселимся в юрты! Напьемся кумыса <...> и будем орать: «Игигай!»* (Время, 18.03.04 – Интервью Т.Неталиева с группой «Бангор»).

2. *В середине степи Мои деды росли: Семь колен назову Из аргынско-го края, Семь колен – это корни мои* (Б.Канәпьянов).

3. *О предок мой, святой Коркыт-ата, поддержи меня под руки* (Б.Канәпьянов).

Общение между монолингвом и билингвальной личностью происходит регулярно в течение продолжительного времени (годы, десятилетия, столетия), что способствует влиянию и на мировидение и на язык монолингва культуры билингва и его родного языка. Эта коммуникативная модель характеризуется тем, что в русском языке возникает новая лексема, фразеологическое сочетание, т.е. новое имя, создается новый дискурс, характеризующийся своеобразной тематикой и языковыми особенностями.

Процесс межкультурной коммуникации происходит в следующем порядке: 1) необходимая говорящему мыслительная информация (концепт) востребована из казахской (родной) картины мира билингва; объективация данной мыслительной информации происходит в казахской языковой картине мира. Затем данный концепт соотносится с русской культурой, ментальностью, с русским мировидением и объективируется как новое знание и новое имя в русском языке. Процесс производства новой номинативной единицы сопровождается различными языковыми (морфологическими, лексическими, фонетическими) сдвигами. Например, слово *аким* и концепт «аким» существовали вначале в казахской части картины мира билингва. Социальная обстановка периода становления суверенитета в Казахстане способствовала перенесению данного концепта и языкового знака в русскую картину мира и в русскую речь. Несомненно, межкультурная коммуникация вначале произошла в сознании билингва. Концепт, выраженный словом «аким» в казахском языке, билингвом был соотнесен с концептом, обозначенным такими знаками русского языка, как «руководитель», «глава», «мэр». Существовавшие выражения концепта, по мнению билингва, не соответствовали требованию времени. Изменения, происхо-

дящие в казахстанском социуме, отразились и в русской языковой картине мира. Из казахской речи билингва слово *әкім* (в казахском языке *әкім* – правитель, наместник) было заимствовано в русскую речь билингва, употреблено им многократно, что и стимулировало передачу концепта словом *аким*, наряду с другими (*руководитель, глава, мэр*). В сознании и в речи монолингва закрепился концепт, выраженный языковым знаком из «софункционалирующего» языка, и смысл данного концепта – руководитель, глава области, города, сельского округа в Казахстане. На основе наложения казахской и русской картин мира образовался новый концепт. Материальным выражением данного концепта является слово, заимствованное из казахского языка, которое прошло фонетическую, грамматическую и словообразовательную адаптацию в русском языке. Лексическое значение слова *аким* – ‘руководитель администрации области, города, района, сельского округа’. Схема данной разновидности коммуникативной модели в условиях межкультурного общения выглядит следующим образом (рисунок 1).

В этой языковой ситуации приоритетной является позиция билингва, то есть человека, владеющего не только двумя языками, но и двумя коммуникативными компетенциями. Для билингва не являются родными культура, ментальность, речевые формулы монолингва. Но он знаком с ними. Он знает стереотипы общения двух культур (русской и казахской) и сознательно, для успеха общения, использует русские стереотипы общения.

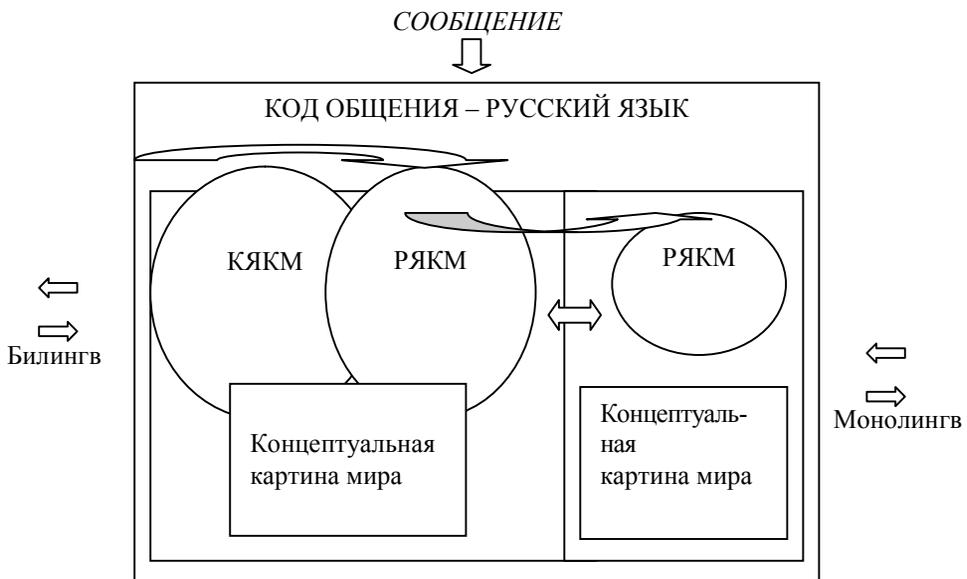

Рисунок 1. Коммуникативная модель «билингв – монолингв».

Взаимодействие культур и языков происходит в том случае, когда коммуниканты – билингвы. Родным языком для них является казахский, который менее или более активно применяется билингвами, что зависит от того, какой язык у них доминирует – русский или казахский. Выбор того или

иноязычного языка диктуется и коммуникативной ситуацией. Например, для официального общения билингвы предпочитают русский язык в силу сложившихся традиций. При общении между собой они могут переходить с русского на казахский. Казахская ментальность, казахские тактики поведения – уважение к старшему, гендерный аспект, некоторые обрядовые моменты – твердо заложены в их коммуникативное поведение. Подобная модель общения характерна для большей части казахстанской интеллигенции старшего и среднего поколения. Взгляды ее представителей на межкультурное общение отражены в их мировоззрении, в их трудах, выступлениях, программах. О себе они говорят следующее: «Мы маргинальные личности, которые рождены на грани, по крайней мере, двух культур, мы являемся одновременно и мостом между ними, и проводником взаимовлияния» [Сулейменов 2001: 64]. Для тех билингвов, у которых доминирует русский язык, обе культуры родные: «Будучи носителем двух национальных культур, творчески мыслящий человек не мог, да и, думаю, не смог бы отдать предпочтение одной из них. Обе они для него дороги, обе любезны его сердцу. Это, возможно, даже глубже братского отношения к другой культуре» [Сулейменов 2001: 66].

Иллюстрацией данного вида межкультурного общения является творчество русскоязычных казахов-поэтов. Например: 1. *Полупарий, полоумный в черном смокинге степняк, в чистопрудно-чистом поле стал мне братом Пастернак* (Д.Накипов). 2. *Бурлит в моем сердце единым потоком и русская речь, и казахская речь, и если мне выпало счастья немного – и ту и другую сумею сберечь* (Алдан Саин. Родная речь). 3. *Книги, великие книги можно свести к Библии и Корану – к первоисточникам. Книги и звезды скупают новая знать, Думая, что она знает им точную цену* (Орынбай Жанайдаров). 4. *Пусть этот мир из той страны, Где остров Лемос, дух гречанки, Увижу я со стороны – На помощь скачет половчанка! Степная здесь почитет дочерь, Не повидавшая, поверь, Мужского вражьего полона. И – взвоют надо мной кусты, Споют степную аллилуйю* (Б.Канашьянов. Кочевница). Приведенные нами поэтические дискурсы характеризуются: 1) наличием реалий казахской, русской, греческой культур, которые сочетаются в одном дискурсе, что свидетельствует о сочетании в КМ автора дискурса разных типов культур; 2) расширением сочетаемости слов: *степная аллилуйя, степная дочерь, в черном смокинге степняк, в чистопрудно-чистом поле*.

Модель данного вида коммуникации может быть представлена таким образом: картины мира у коммуникантов состоят из РЯКМ и КЯКМ. В силу того, что данной группе людей одинаково близки как казахская, так и русская модель мира, они являются главными проводниками межкультурной коммуникации. Межкультурные контакты в этом варианте коммуникативной модели возможны в сознании коммуникантов и при общении коммуникантов. Например: *С праздником Ураза-айт завершился священный для ислама месяц Рамазан* (Талгат Калиев – газ. Новое Поколение, 28.XI.2003). *Вся земля была для кочевника вращающимся шаром, потому что он кочевал по кругу в семьсот километров от джайляу (котовки) к куздеу (осенней точке откочевки), от куздеу к кыстау (к зимнему месту жилья), от кыстау к коктеу (весеннему) и от коктеу снова к джайляу* (Ж.К.Каракозова, М.Ш.Хасанов. Космос казахской культуры – журн. Ев-

разия, 2001, № 2). Свадебный **той** в дом жениха, завершающий длительный свадебный цикл, начинается с обряда открывания лица невесты – **бет ашар**. Далее следуют обрядовые **бата** и **арнау** (благопожелания и тосты) родных и близких, игры и веселье (А.И.Мухамбетова. Тенгрианский календарь и время в казахской культуре – журн. Евразия, 2001, № 2).

Говорящий (пишущий) перенес фрагмент из своей, казахской языковой картины мира в русскую языковую картину мира. Это согласуется с концепцией М.М.Бахтина о том, что диалог происходит отнюдь не только между разными социальными субъектами, он идет и внутри каждого социального субъекта, в том числе – в сознании каждого отдельного человека, где присутствуют две разных позиции сознания. «Другое» сознание возникает в процессе освоения норм культуры, в результате которого часть из них становится «моими», частицей моего Я, часть же – не принимается, отвергается и закрепляется в сознании как «чужое». Диалог внутри сознания индивида оказывается диалогом разных культур [Бахтин 1979: 121]. Таким образом, диалог «своего» и «чужого» в конечном итоге есть индивидуальное проявление и выражение диалога культур. Здесь «внутреннее» непрерывно переходит во «внешнее» и наоборот.

Билингв употребил в русском тексте казахские слова, пытаясь объяснить их носителям другой культуры с помощью перевода слов на русский язык. При этом он ищет эквивалент в русском языке (*кетовка, благопожелание, тост*) или переводит описательно данные слова (*осенней точке отчета, к зимнему месту жилья, к весеннему месту жилья*). Номинативная и коммуникативная деятельность данной группы способствует более сбалансированному «софункционированию» русского и казахского языков. Схему данной модели можно представить таким образом (рисунок 2).

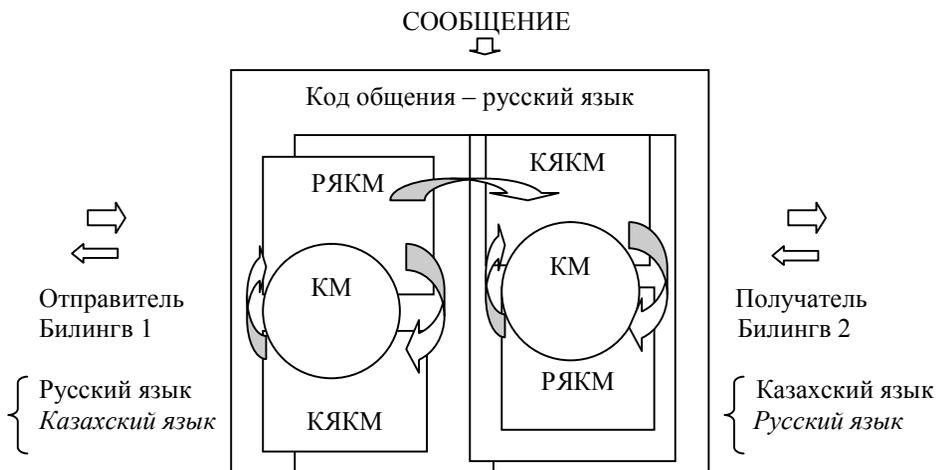

Рисунок 2. Коммуникативная модель «билингв 1 – билингв 2».

Итак, коммуникативную модель в условиях Казахстана можно построить с учетом двух основных факторов – межкультурного общения и билингвальной ситуации. Особенность модели заключается в том, что на-

личие двуязычного носителя языка определяет состав участников модели, предполагает взаимодействие как языковых систем, так и языковых картин мира в сознании и речи отдельного коммуниканта, а также обоих коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бергельсон 2004 – *Бергельсон М.Б.* Лингвистические методы исследования в области (межкультурной) коммуникации // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты. Материалы международной конференции РКА. СПб., 2004.
- Верещагин, Костомаров 1990 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1990.
- Гамперц 1975 – *Гамперц Дж.Дж.* Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Иностранная литература, 1975.
- Гудков 2003 – *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- Сепир 1993 – *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993
- Стернин 1996 – *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Сулейменов 2001 – *Сулейменов О.* На стыке веков. Алматы: Дауир, 2001.
- Трошина 1998 – *Трошина Н.Н.* Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики. Сборник научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998.
- Уорф 1960 – *Уорф Б.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Иностранная литература, 1960.
- Хаймс 1975 – *Хаймс Д.Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. VII. М.: Иностранная литература, 1975.
- Хауген 1972 – *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. М.: Иностранная литература, 1972.
- Хойер 1999 – *Хойер Г.* Антропологическая лингвистика // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. № 2.
- Graumann F.* Interaktion und Kommunikation // Handbuch der Sozialpsychologie. Göttingen, 1972. Hbd. 2.
- Hall 1973 – *Hall E.T.* The Silent Language. Garden City, NY: Anchor Books, 1973.
- Hoijer 1953 – *Hoijer H.* The relations of language to culture // Anthropology today. / Ed. By Kroeber A.L. et al. Chicago: The University of Chicago press, 1953.

Г.М.Бадагулова

- Kluckhohn 1956 – *Kluckhohn C.* Some Navaho value terms in behavioral context // *Language*. Vol. 32. Baltimore, 1956.
- Newman 1954 – *Newman S.* American Indian linguistics in the Southwest // *American Anthropologist*. Vol. 56. Menasha, 1954.
- Samovar, Porter 1995 – *Samovar L.A., Porter R.E.* Communication between Cultures. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1995.
- Traeger 1958 – *Traeger G.L.* Paralanguage: A first approximation // *Studies in Linguistics*. Vol. 13. Buffalo, 1958.